

УДК 94(470+574)

А.Н. Букейханов
и проблемы политической консолидации казахского народа¹

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Российская Федерация 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует вклад лидера демократического движения Алаш А.Н. Букейханова в политическую консолидацию и самоопределение казахского народа в начале XX века. Обращается внимание на эволюцию политических взглядов Букейханова и трансформацию его подходов к вопросу о перспективах и формах национально-государственного устройства казахского общества в условиях распада Российской империи.

Ключевые слова: Россия; А.Н. Букейханов; казахский народ; революция; этническая элита; политическое самоопределение.

Введение. Первые десятилетия XX в. были временем бурного роста национального самосознания народов Российской империи, в т.ч. казахов, что выражалось в активизации общественно-политической жизни, культурном прогрессе, становлении национальных языков, развитии литературы и прессы, распространении новых идеологических концепций (пантюркизм, панисламизм, пантуранизм), реформистских движений (джадидизм) и т.д. Решающие геополитические события того времени – мировой кризис, Первая мировая война, революции, гражданская война и разрушение огромного государства, становление СССР – являлись ключевыми обстоятельствами, определившими политическую биографию и политическое наследие всех активных участников этих процессов.

А.Н. Букейханов (1866-1937) стал ярким представителем динамично формировавшейся в конце XIX – начале XX вв. этнополитической элиты народов Российской империи. В составе казахской национальной демократии Букейханов был, пожалуй, единственным действующим политиком, прямо участвовавшим в наиболее важных событиях той эпохи, начиная с реформы политической системы страны в ходе революции 1905-1907 гг. и заканчивая созданием национально-государственных образований в составе СССР, когда Казахстан стал субъектом советской федерации. Его биография (наиболее активно пропагандируемая сегодня любителями конъюнктурной политизации прошлого) позволяет проследить основные этапы и коллизии этнополитического развития и консолидации казахского общества вокруг наиболее популярных 100-летие назад идей, революционных и реформаторских проектов, грандиозное столкновение которых произошло в условиях мировой войны, революции и гражданского противоборства.

Рождение национальной демократии. Лидер казахского демократического движения Алаш, выходец из султанской семьи Каркаралинского уезда Семипалатинской области окончил Омское техническое училище, затем Петербургский лесной институт. «В бытность студентом ... принимал самое деятельное участие во всех студенческих делах, всегда примыкал к крайне левой ...очень энергично отстаивая тезисы экономического материализма». После окончания института преподавал математику в Омском лесохозяйственном училище, с 1890 г. сотрудничал в газетах «Степной край» (1885-1897), «Степной листок» (1893), «Семипалатинский листок», был одним из

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РГНФ № 15-31-14001

авторов тома 18-го «Киргизский край» издания «Россия». Полное географическое описание нашего Отечества (СПб., 1903). Уже в 1898 г. Букейханов являлся действительным членом Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества в Омске, в 1901-1908 гг. – членом его распорядительного комитета (Gerasimov 1927, P. 79)².

Фундаментальная общеобразовательная, культурная и экономическая подготовка, опыт научно-исследовательской работы, журналистской практики и тесных политических контактов с представителями разных демократических сил российской политической оппозиции составили основу и стимул для быстрого и вполне успешного включения Букейханова в развернувшееся партийно-политическое строительство и формирование первого парламента – Государственной Думы. Пересечение партийно-политических «активов» в сложном этносоциальном пространстве на территории современного Казахстана сопровождалось, как и по всей стране, острым противоборством идей, структур, персонажей с непрогнозируемыми результатами и последствиями. При этом выработка актуальной программы модернизации казахского общества происходила как результат ознакомления с новейшими политическими проектами начала прошлого столетия – социализм, как самый популярный, либерализм и национализм. Ученый-аграрник С.П. Швецов свидетельствовал в 1930 г., что, сотрудничая в омской газете «Степной край» в 1895-1897 гг., будущий член ЦК партии кадетов Букейханов «представлял собою марксистское направление... и был, несомненно, наиболее ярким его выразителем». Большое влияние на его позицию в вопросах землепользования оказало сближение с сибирскими народниками и эсерами, участие в экспедиции Ф.А. Щербины по хозяйственно-статистическому обследованию региона, членство в Западно-Сибирском отделе РГО. При аресте в апреле 1906 г. у него была изъята, в частности, программа РСДРП (Shevcov 1930, P. 112; Amanzholova 1993, P. 45)³.

Статьи Букейханова в дореволюционной национальной периодике о П.П. Семенове, Г.Н. Потанине, Н.И. Мечникове, А. Бебеле, переводы на казахский язык произведений Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, басен Эзопа свидетельствуют о его широкой эрудиции и вместе с тем характеризуют неразрывную связь с Россией культурно-цивилизационного пространства, в котором складывались идейные взгляды казахской интеллигенции. В студенческой среде и в политических организациях она испытывала мощное воздействие российской духовной и интеллектуальной культуры. «Киргизы пока не знают и не чтут великие имена борцов за свободу России, – писал в 1905 г. Букейханов, – но они узнают и будут знать и обязаны чтить освободителей России, начиная от Пестеля, кончая настоящими узниками Шлиссельбурга!»⁴.

Впервые в условиях революции публично презентовались и обсуждались разные проекты обновления общественной жизни, а национальные активисты получили возможность заручиться массовой поддержкой для продвижения своих программ в общегосударственном масштабе. Подобные дебаты стимулировали кристаллизацию идей и проектов, выявление наиболее популярных в общественном мнении. А.Н. Букейханов, использовавший работу в экспедициях переселенческих контор и для агитационных поездок по краю, а после ее закрытия организовавший интенсивную переписку со степными районами, явился главным организатором, составителем и переводчиком всех

² Отчеты о деятельности Зап.-Сиб. Отдела РГО за 1898-1901 гг. Омск, 1902. С. 39, 106; Отчеты о деятельности... за 1906 г. Омск, 1911. С. 1; Отчеты ... за 1908 г. Омск, 1911. С. 17.

³ Семипалатинский листок. 1906. 5 июня.

⁴ Степной край (Омск). 1905. 6 декабря.

основных петиций и телеграмм, направлявшихся в столицу (Bukeikhanov 1910, P. 596-597). Особое место в борьбе партий и движений за поддержку своих проектов заняла подготовка к выборам в Государственную Думу. Содержание многочисленных прошений и наказов казахов сводилось к проблеме представительства в Думе, протестам против бюрократических, антинародных методов землеустройства и национального угнетения. В связи с обнаружением Манифеста 17 октября 1905 г. казахское население познакомилось с такой формой общественного движения, как митинг, причем именно здесь проявилась социальная солидарность неимущих и демократических слоев населения независимо от их этнической принадлежности. Обнаружилось и умение казахской интеллигенции конструктивно сотрудничать с представителями передовой русской общественности во имя общих идеалов свободы. Для Букейханова политическое пробуждение Степи было не только результатом организационных усилий его самого и его единомышленников, но и важным источником для формирования программы, определения средств и условий консолидации общественного актива.

Январь-июнь 1906 г. – время обретения первого опыта партийно-политической конкуренции в ходе избирательной кампании в Думу. Омское жандармское управление доносило в столицу, что он «состоит во главе революционной партии... Душа всех петиций... Корректно ведет агитацию в противоправительственном направлении, преследуя интересы киргизской степи» (Bukeikhanov 1910, P. 48-50; Shevcov 1930, P. 112)⁵.

Ценную часть политического наследия Букейханова составляет его деятельность по развитию и укреплению кросс-культурного взаимодействия с демократическими общероссийскими и региональными силами – партиями и думскими фракциями, земско-городскими структурами, мусульманскими организациями и сибирскими областниками. Это направление было обусловлено объективными обстоятельствами социально-культурного и экономико-географического характера. В то же время такое сотрудничество на организационном и личностном уровнях давало импульс к сравнению и анализу, позволяло кристаллизовать этноориентированные, но встроенные в общие тренды динамичного политического процесса, векторы социальной модернизации казахского общества на гражданской платформе, не ограниченной национальным эгоизмом или сепаратизмом. Оно получило дальнейшее развитие и в условиях гражданской войны. К сожалению, названные поучительные аспекты незаслуженно мало освещаются и осмысливаются в научной и публицистической литературе.

Среди примеров политического диалога и взаимодействия – участие Букейханова в работе мусульманского съезда в Петербурге 15-25 июня 1914 г. с последующим продвижением в жизнь полезных для гражданской консолидации казахского общества идей и решений. Особое место занимает его деятельность в 1916-1917 гг. – сотрудничество с общероссийскими гражданскими организациями, прежде всего Земгором, и правительственными учреждениями по организации социальной защиты тыловиков; работа в качестве комиссара Временного правительства в Тургайской области. В этот период, пока недостаточно изученный, Букейханов проявил себя как достаточно искусный переговорщик и политический лоббист, говоря современным языком.

1916 год и проблемы политической мобилизации казахского общества. Ярким примером служит его подвижническая работа по организации

⁵ Семипалатинский листок. 1906. 5 июня.

социальной защиты тыловиков в условиях восстания в Степном крае и Туркестане. 1916 год вскрыл значительные сложности во взаимоотношениях светски образованных, встроенных в общероссийскую социально-культурную жизнь казахских интеллектуалов с традиционной этносоциальной элитой, из которой во многом и вышли казахские «западники», а также малочисленными приверженцами большевизма. Открытая поддержка будущим лидером движения Алаш и его единомышленниками патриотической идеи защиты многонационального Отечества, активная агитация против антиправительственных выступлений сегодня воспринимаются как логичная и граждански выверенная позиция. Однако в советской историографии она оценивалась как предательская, поскольку якобы означала отказ от национально-классовой борьбы казахских трудящихся против всяческих эксплуататоров. Современные казахстанские авторы лишь констатируют факт поддержки интеллигенцией «колониаторской царской» власти, как бы не решаясь отказаться от советского наследия, клеймившего алашординцев за служение «антинародным» режимам царизма и Временного правительства и тем самым вступая в противоречие с утверждением о равнозначной колониальной сущности всех этапов казахской истории в составе российского и советского государств. Это утверждение доминирует в актуальном национальном дискурсе, в т.ч. в работах об истории восстания (Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия 1916 год: уроки общей трагедии).

Стоит напомнить, что еще в декабре 1915 г. казахские деятели начали обсуждение вопросов о воинской службе казахов в газете «Казах» (№№ 166, 168, 177, 178, 179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. Одной из причин активной поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнивать права казахов и казачества, в т.ч. в отношении земли. Все настойчивые требования национального равенства, которые казахский политический класс во главе с Букейхановым отстаивал весьма последовательно, свидетельствовали о прямой связи их целей с общим политическим процессом в рамках единого российского государства. Представители национального движения предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, - отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения. Газета «Казах» 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве инородцев провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнивать казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. В итоге в Петроград направилась инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсынов и Н. Бегимбетов, которые при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добились обсуждения вопроса на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции.

Активисты, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов

может быть положительно решен в ближайшее время. В начале апреля общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18-20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». После указа от 25 июня представители 7 волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля приняли обращение к губернатору области передать императору «верноподданнические чувства киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» указу, и просить о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву». Красноречивая риторика была традиционным средством толкования конфликтных ситуаций в кочевом обществе, что отчасти объясняет активность в печати и обращения всех сколько-то значимых националов в центр.

7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось известное совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они констатировали, что «корень всех...недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы – «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Участники, в частности, решили ходатайствовать перед правительством о мерах по предотвращению эскалации конфликта в регионе. В частности, предлагалось включить в приемные мобилизационные комиссии по два уполномоченных от каждой волости, объединить мобилизованных в артели по 30 чел. и обеспечить их переводчиками и муллами (при каждой один переводчик и на 10 артелей один мулла), организовать медицинское обслуживание тыловиков наравне с ранеными воинами, передать мобилизованных рабочих в ведение учреждений Земского и Городского Союзов и др. Протокол совещания А.Н. Букейханов направил главе Земско-Городского Союза (Земгор) Г.Е. Львову, а также министрам внутренних дел и военному. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тысяч призванных на тыловые работы инородцев (Brainin, Shafiro 1935, P. 38; Asfendiarov 1936, P. 114-115, 239; K istorii vosstaniya kirgiz 1926 1926, P. 57-68)⁶.

Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть масштабы и сроки призыва, организацию транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы в армии, возможности привлечения общественности для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты и др. 20 августа под давлением казахской интеллигенции, причем ее предложения распространялись на тыловиков всех национальностей, междуведомственное совещание обсудило согласование их перевозки по железной дороге со сроками призыва и санитарными мероприятиями, что осложнялось в т.ч. из-за психологических, культурных барьеров и стереотипов призывников (Amanzholova 1993, P. 83-85).

22 августа межведомственное совещание при Главном штабе обсудило 23 вопроса о привлечении инородцев на тыловые работы и государственную оборону в районах армии и внутри страны. Они были прямо связаны с предложениями казахской интеллигенции - потребность, количество и возраст

⁶ Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля; Юлдуз (Казань). 1916. 15 февраля.

призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др. Социальная направленность решений проявилась в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. По настоянию казахской интеллигенции решили «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата была установлена 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались дружины по 2250 чел. «с необходимым кадром офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». Старшие и переводчики набирались из реквизируемых (Amanzholova 1993, P. 89-90). Совещание по ряду вопросов уступило националам, однако это касалось лишь положения инородцев в тылу действующей армии, на строительстве оборонительных сооружений, на предприятиях и т.п. Наряду со стремлением правительства учесть возможные и уже возникшие трудности организации призыва, проявились архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть. Негативную роль играла низкая продуктивность аппаратных мероприятий, плохо совмещавших общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой. Как правило, неготовность бюрократии на разных уровнях искать разумный компромисс с национальным активом лишь усугубляла ситуацию и исключала возможность предотвратить или уменьшить насилие.

В марте 1917 г. при Комитете Союза на Западном фронте в Минске во многом благодаря Букейханову был создан инородческий отдел (им заведовал сам Букейханов, затем до августа 1917 г. А. Кенжин), наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г. 11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы по указу от 25 июня 1916 г., что можно считать успехом национальной общественности. Однако 14 марта 1917 г. Временное правительство приостановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. 5 мая состоялось постановление о возвращении тыловиков на родину (Amanzholova 1993, P. 72-80, 100-102).

Общенациональная газета «Казах» усилиями Букейханова и его соратников превратилась в центр защиты интересов тыловых рабочих на русско-германском фронте и в других местах их работы. Казахская интеллигенция заняла конструктивную позицию в отношении власти для минимизации последствий социально-политических и межэтнических конфликтов и организации помощи тыловикам. Именно она стала посредником между властью и обществом, и опыт компромисса, несмотря на ограниченность его применения и результатов, имел большое значение для политического поведения лидеров этносоциальной демократии.

Наиболее влиятельная ее часть не случайно выступала сторонницей компромисса с властью и всячески стремилась найти средства для снятия напряжения в обществе, в т.ч. в межэтнических отношениях, укрощения стихийного насилия. При этом основное внимание казахские интеллектуалы

уделяли отношениям с центральной властью, хорошо представляя распространенность коррупции и низкую эффективность местных органов управления, ничтожное влияние последних на решение судьбоносных вопросов. Характерными чертами политического поведения интеллигенции были приверженность легитимным способам деятельности, компромиссу с институтами государства и общероссийскими политическими структурами, прагматизм и реализм. Более того, в сравнении со среднеазиатской общественностью казахский образованный класс был гораздо сильнее вовлечен в научные, культурные, социальные, общемусульманские организации, политические партии России. Их действия, социально-политические и пропагандистские усилия, публицистика были нацелены на формирование представлений о неразрывности интересов казахов и других народов России, стимулирование консолидирующих ориентиров в отношении этносообщества к своему месту в общегосударственном гражданском пространстве.

Это особенно ярко проявилось в 1916 году. Не случайно с началом балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. А.Н. Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет...». Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В воззвании «К гражданам Алаша» они писали: «Соотечественники - русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»⁷.

Кроме того, в перспективе эта, наиболее значимая часть казахской интеллигенции, рассчитывала таким образом повлиять и на отношение власти к степному социуму. Его ясная, сознательная и выраженная в практических действиях солидарность со всей страной в военной ситуации должна была укрепить позиции тех сил в органах власти и политическом классе в целом, которые могли поддержать главные инициативы движения Алаш. Среди них - введение (и возвращение) избирательного права азиатским народам, организация земства на востоке России, предоставление казахам права служить в армии по примеру казачьей кавалерии и др. Добиваясь равенства прав всех народов России, казахская интеллигенция и Букейханов как ее лидер, по сути, доказывали свою приверженность единому социально-политическому поликультурному сообществу россиян.

Однако 1916 год ускорил разочарование казахской интеллигенции в способности падающей центральной власти ответить на запросы окраин, что и превратило следующий 1917-й год в решающий для ее политической мобилизации и консолидации всех граждански ответственных сил этносообщества.

Революционный импульс и коллизии реализации автономистского проекта. От февраля до октября 1917 г. А.Н. Букейханов целенаправленно действовал вместе с Временным правительством, возлагая серьезные надежды на демократические трансформации в стране под руководством хорошо знакомых ему лидеров российского конституционализма. Именно в 1917 году создаются казахские комитеты и интернациональные органы

⁷ Казах. 1916. - 11 августа.

местного самоуправления (гражданские комитеты, советы и земства – участие в них национальный политический актив считал своей важной задачей), проводятся общеказахские съезды. Интеллигенция обеспечила свою победу на выборах в Учредительное собрание от коренного населения края, ее целенаправленными усилиями форсированно конструируется партия, а затем автономия. Тогда же Букейханов на короткое время стал госслужащим, комиссаром Временного правительства - представителем центральной власти в Тургайской области – одним из наиболее крупных очагов восстания 1916 года. Здесь он вновь проявил себя как гражданин и патриот, противник политического радикализма и любого экстремизма, в т.ч. религиозного.

В этом контексте достаточно привести слова Букейханова при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда мировая война была еще далека от завершения: «... без мирного труда в тылу мы не укрепим завоеванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призывает казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу. ...В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоеванных свобод необходимо, чтобы все граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания, жили между собой в ладу, помогая по силе возможности друг другу» (подчеркнуто мной – Д.А.). Вместе с тем он выступал против частной собственности на землю, за общинное пользование ею при условии, что «ни один киргиз не может быть без земли». Значительное место в работе Букейханова на посту комиссара правительства заняли защита прав казахских женщин в вопросах брака и образования, в т.ч. против Шура-и-Исламия, противодействие попыткам мулл присвоить различные религиозные сборы, предназначенные на благотворительность, с применением строгих мер в случае выступления «против народных общественных интересов в корыстных целях, идущих вразрез новому строю». Он осуществлял контроль за реализацией принципа пропорционального национального представительства при организации местного самоуправления, выступал против «партизации» местных властей и требовал, чтобы все расходы по партийной деятельности лиц, входящих в них, несли сами общественные организации; вмешивался в деятельность Совета крестьянских и казахских депутатов в связи с вымогательством денег за освобождение от мобилизации на тыловые работы одним из депутатов (Amanzholova 1993, P. 112-113).

Очень важно отметить, что лидеры Алаш не отделяли себя и судьбу своего народа от общероссийской. Они использовали все возможности, чтобы включиться в наиболее значимые политические и общественные организации и события, связывая этнополитическую консолидацию и нациестроительство казахов с доминантами российской истории. Вопрос о самоопределении казахов в автономной форме был поставлен в непосредственной связи с переустройством Российского государства после февраля 1917 года. В частности, даже после взятия большевиками власти и отстранения мусульман от представительства в советах Ташкента другой яркий казахский деятель М.Чокаев заявил на IV общемусульманском съезде в Коканде 26 ноября 1917 г., что произошедшее заставляет окраины самим заботиться не только о своем спасении, но и «о спасении великой нашей родины России в целом». На следующий день съезд, как известно, «объявил Туркестан автономной частью

Российской федеративной демократической республики»⁸.

Представления о типе национально-государственного образования казахов, его месте в рамках евразийского геополитического пространства, объединяемого Российской империей и после ее развала, полномочиях и статусе складывались у лидера Алаш по мере развития политической ситуации и под ее воздействием. Лишь в середине 1917 г. и особенно после прихода к власти большевиков вопрос об автономии встал в практическую повестку дня казахских демократов. Достаточно проанализировать позицию Букейханова и его соратников во время создания Сибирской областной автономии, а также на общекзахских съездах 1917 года, чтобы обратить внимание на политический реализм лидеров национального движения. М.Чокаев также свидетельствовал в 1920 г.: «революция была воспринята как национальное освобождение (не в смысле, впрочем, отделения киргиз от России, а в смысле возможности удовлетворения национальных интересов в рамках Российской государственности)» (Shokaj 2012, P.157).

В связи с этим отдельное и заслуживающее пристального изучения направление – Букейханов, Алаш и сибирские областники от первой революции до окончания гражданской войны: что сближало и разъединяло их политические позиции и поведение на разных этапах борьбы за переустройство государственной жизни; как складывались и работали механизмы оппозиции и сотрудничества в период оформления Сибирской автономии, после провозглашения автономии Алаш, в условиях деятельности Сибирского временного правительства и Алаш-Орды.

Ценное познавательное и политическое значение имеет объективный анализ позиции и деятельности А.Н. Букейханова как руководителя Алаш в 1918-1919 гг., когда он руководил оперативным строительством не только управленческих, социально-экономических, военных и иных структур автономии, но и сложным переговорным процессом – с Комучем и на Государственном совещании в Уфе осенью 1918 г., с правительством А.В. Колчака. С началом полномасштабной гражданской войны партийные дебаты и борьба за избирателей канули в прошлое, на первое место в борьбе за власть и поддержку населения вышли проекты государственного переустройства. В казахском обществе идея реставрации монархии вряд ли имела перспективы, а в решающей борьбе «красных» и «белых» авторы автономистских программ национальных регионов всей бывшей империи могли найти ценную опору лишь при условии присоединения к одной из основных сил. Не случайно в сентябре 1918 г. Букейханов заявил на известном Государственном совещании в Уфе: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России. Те, которые говорят, что создается сепаратизм, просто говорят, как рабы старой психологии, которые в самодержавной России привыкли думать, что инородцы – рабы, а представители Великороссии – это рабовладельцы, и от этой психологии не могут отказаться. Мы это вполне понимаем, но от этого нужно теперь отказаться, потому что Россия федеративная, демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую, счастливую Россию.

⁸ Туркестанский вестник. Ташкент. 1917. 10, 5 декабря.

Мы признаем, что власть в России должна принадлежать тому полномочному органу, который избран всей Россией на основе всеобщего избирательного права». Показательно также, что Букейханов поддержал принцип единого военного командования антисоветских сил и формирования национальных войск с их подчинением Верховному командованию (Amanzholova 2013, P. 255; Shokaj 2012, P. 92-95, 102).

Особенно важно выделить еще одно событие в Уфе. Руководство Алаш уже в ходе совещаний предприняло самостоятельные шаги по организации управления на территории края. 11 сентября в Уфе состоялось экстренное заседание Алаш-Орды под председательством Букейханова, обсудившее проблемы местного самоуправления в Алаш. В нем участвовали члены Алаш-Орды Д. и Х. Досмухамедовы, А. Беремжанов, А. Ермаков, В. Таначев, М. Тыныпшаев. Заседание объявило Алаш-Орду единственным органом управления на территории автономии. Местное самоуправление обеспечивалось через органы земского и городского самоуправления на основании законов Временного правительства 1917 г. и решений комиссаров Алаш-Орды. Правительство Уильского Оляята было упразднено. «Ввиду военного времени и слабого развития путей сообщения» для управления Букеевской ордой, Уильским Оляятом, Мангышлакским уездом Закаспийской области, Актюбинским и Иргизским уездами Тургайской области создавалось западное отделение Алаш-Орды. Букейханов добился структурирования Алаш-Орды, Уильский Оляят стал ее составной частью, а не самостоятельным юридическим образованием.

Чем было вызвано такое решение? Очевидно, что Букейханов хорошо понимал большую опасность организационного разделения автономии под началом двух структур, одна из которых (Оляят во главе с Ж. Досмухамедовым) наглядно демонстрировала автаркистские тенденции. Это заметили и представители Комуча. Алаш-Орда, расположившись в г. Алаш (Заречная слободка г. Семипалатинска), изначально и до конца своей деятельности воплощала и осуществляла функции центральной автономной власти на контролируемой территории. Западное отделение (западная часть) Алаш-Орды было создано на основе образованного по инициативе Ж. Досмухамедова Уильского Оляята в сентябре 1918 г. Это позволяло консолидировать и координировать действия автономистов на огромной территории, разделенной фронтами, обеспечить единство представительства на переговорах с «белыми» и «красными».

Кроме того, сентябрьское решение 1918 г. о создании западной части автономии и его управленческих структур способствовало утверждению демократических принципов формирования и функций Алаш-Орды, принципиальному отказу от попыток создания местных режимов личной власти, которые отчетливо проявились в позиции Ж. Досмухамедова. Последний, как известно, включился в политическую деятельность достаточно поздно. В отличие от лидеров Алаш он не имел опыта партийного строительства и межпартийного взаимодействия, участия в избирательных и парламентских процедурах, значимой социально-культурной практики (многолетняя и серьезная журналистика, литература, просвещение и образование, наука), не получил широкой известности и популярности за пределами родной области. Вероятно, именно поэтому он выбрал базой родной Жамбейты, где мог успешно овладеть ситуацией и представлять Западный Казахстан.

Распространившееся в последнее время употребление терминов «восточное отделение Алаш-Орды», «восточный филиал Алаш-Орды» и т.п. неправомерны, поскольку на деле в г.Алаш располагалось и действовало

полномочное и фактически признанное большевиками и антисоветскими силами правительство автономии Алаш – Алаш-Орда во главе с А.Н. Букейхановым, а в Уральской области в силу объективных сложностей военного времени находилась западная часть правительства со своими управленческими структурами, подчинявшаяся центральной автономной власти. Это было признано и Ж. Досмухамедовым, и всеми участниками политического процесса. Таким образом, в краткосрочной истории Алаш реализовался первый опыт легитимного и коллегиального утверждения современных для начала XX века демократических государственных институтов, связанный с отказом от попыток реконструировать архаичный псевдомонархический режим в территориально ограниченном локусе.

При этом современные авторы обращают внимание на внутриэтнические противоречия и соперничество, в т.ч. основанные на сложных межжуровых и межродовых взаимоотношениях. Это важно в т.ч. и для понимания последующих проблем нациестроительства в советском Казахстане. Н.Е. Масанов в 1990-е годы обратился к ретроспективе клановых противоречий и внутриэтнического соперничества в казахской элите XX века во взаимосвязи с новейшей историей казахской бюрократии (Masanov 1999, P.46-61). Г. Косач считает: лидеры Алаш-Орды ставили в центр конструируемого ими сообщества «фракции родоплеменных образований», к коим принадлежали сами, что исключало демократические способы созидания нации (Kosach 2004, P. 52). Он и А. Сушко межродовую и межжуровую конкуренцию иллюстрируют примерами борьбы Алаш и партии «Уш жуз». Сушко пытается доказать наличие межжуровых противоречий в Алаш образованием Западного и Восточного отделений Алаш-Орды, тяготением Семиречья (казахов Старшего жуза) к Туркестану вследствие журовой политической культуры казахов и их неспособности к консолидации. Он считает: включение алашевцев в органы советской власти породило межродовую борьбу между ними и национал-коммунистами, а также между «всеми киргизскими националистами» и русскими коммунистами (Sushko 2008, P. 329-332, 334). Но в руководстве «Уш Жуз» были представители Среднего жуза, как и в Алаш, наряду с представителями других журов. Восточного отделения Алаш-Орды вообще не было. Проблемы кланово-родственной идентичности казахов в советский и постсоветский период анализировал Э. Шац (Shats 2004, P.114-132). Важные наблюдения по поводу влияния географии и казахской внутриэтнической структуры на поведение казахской интеллигенции высказал Т. Уяма (Uyama 2000, P. 70-99).

Итак, даже в период Гражданской войны, когда объективно демократические институты и формы сводятся к минимуму, Алаш-Орда выдержала экзамен на политическую зрелость. Прежде всего, необходимо еще раз подчеркнуть: А.Н. Букейханов и его ближайшие сторонники обеспечили единство территории и политического устройства автономии Алаш, убедив руководство Уильского Оляята в необходимости организационно-политической консолидации в условиях войны. Это имело принципиальное значение не только для взаимодействия с разнообразными политическими и военными партнерами на пространствах распавшейся империи, но и для обеспечения социально-политического и культурного единства Казахстана. Восточного отделения Алаш-Орды не было. Западное отделение Алаш-Орды находилось в ведении и подчинении общекзахского правительства автономии, дислоцировавшегося в бывшей Заречной слободке Семипалатинска, которая получила славное имя Алаш.

Политические достижения Алаш и Алаш-Орды в условиях революции и войны были связаны прежде всего с вынужденным признанием ведущими противоборствующими силами («красными» и «белыми») необходимости так или иначе считаться с казахским автономистским проектом. Деятельность самого автономного правительства (Алаш-Орда) объективно ограничилась участием его отрядов в военных операциях антисоветских вооруженных формирований, созданием локальных органов местного самоуправления, некоторыми частными инициативами и решениями нормативно-правового свойства. По мнению Чокаева, казахи были бессильны создать самостоятельную государственность и даже не мечтали о ней, вынужденно сделав выбор между сибирской реакцией и советской властью. «Продолжать дальнейшую борьбу мы считали абсолютно невозможным, ибо в условиях нашей жизни борьба неизбежно выльется в межродовую вражду...», - говорилось в обращении лидеров Алаш в связи с переходом на сторону советской власти в 1919 г. (Shokaj 2012, P.166).

Некоторые выводы. Как участник общероссийского политического процесса, Букейханов объективно втягивался в его кризисную динамику, наращивал опыт партийной конкуренции и организационно-политического сотрудничества, компромиссов, принципиальных и ситуативных альянсов. Наложение и пересечение базовых общегосударственных и этносоциальных тенденций, интересов, задач и реальных возможностей стало серьезным испытанием для всех деятельных участников грандиозных преобразований евразийского поликультурного пространства. В своей биографии А.Н. Букейханов продемонстрировал замечательный пример политического реализма, миротворчества, межкультурного диалога и патриотизма, верности принципам социальной справедливости и национальной демократии.

Исторический опыт деятельности казахской интеллигенции на завершающей стадии существования Российской империи имеет актуальный смысл в современном контексте. Он подтверждает, что модернизация политической системы, органов управления и самоуправления тесно связаны с общими социально-экономическими и культурными условиями развития этносоциума, качеством его политико-правовой культуры, организационного и идейного оформления этнополитической элиты, содержанием и качеством ее образования, накопленного ею опыта гражданско-правовой практики и уровня политической ответственности. Реализация демократических избирательных процедур и партийной конкуренции на основе закона, апробированные тогда, остаются острейшими потребностями современной культуры идущих во власть. Умение с достоинством выигрывать и проигрывать, вести честный диалог с массами и соперниками, действовать строго легитимными способами – этому учит политический опыт Букейханова и его соратников. Кроме того, исторический задел алашординцев свидетельствует: только непосредственное включение каждого обывателя как гражданина в решение задач местного развития при ответственном и демократически избранном главе администрации конкретного населенного пункта и региона создает плодородную почву для сильного и процветающего государства. В последние годы произошла своеобразная сегрегация исторического пространства, когда исследователи Казахстана и республик Центральной Азии пытаются рассматривать прошлое своих стран конца XIX-XX вв. отдельно от прошлого Российской империи и СССР. Более продуктивным представляется признание специфической этносоциальной, экономической, политической и культурной сложности ситуации в Казахстане и Средней Азии, в т.ч. в период Первой мировой войны и революции, в контексте общероссийских процессов.

Очевидно, сегодня требуется серьезное переформатирование всей совокупности научно-образовательных связей российских, казахстанских, среднеазиатских и других зарубежных историков, преодоление сложившихся в 1990-е годы разрывов информационного, научного, культурного пространства на территории бывшего СССР.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. – Семипалатинск, 1993.
2. Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. – Алматы, 2013.
3. Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. – Алма-Ата, 1936.
4. Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. – Алма-Ата, 1935.
5. Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах. – СПб., 1910.
6. Букейханов А. Выборы в Степном крае // К десятилетию I Государственной Думы. – Петроград, 1916.
7. Герасимов Б. 25-летие Семипалатинского отдела ГРГО. 1902-1927 гг. – Кызыл-Орда, 1927.
8. К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. - Т. 3 (16). – М.-Л., 1926.
9. Косач Г. Казахский «образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 2004, С.12-78.
10. Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита. Клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. – 1999. – №1. – С.46-61.
11. Сушко А.В. Межродовая борьба казахской (киргизской) интеллигенции в годы революции и гражданской войны в России // Вестник ТГУ. – 2008. – № 11 (67). – С.329-337.
12. Шац Э. Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства. – М.: «Права человека», 2004, С.114-132.
13. Швецов С.П. Омская газета «Степной край» и политическая ссылка // Северная Азия. – Кн.1, 2. – М., 1930.
14. Шоқай М. Шығармаларының толық жинағы: 12-томдық. – 1-том. – Алматы: Дайк-Пресс, 2012.
15. Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докладов Межд.научно-практич.конф. г.Москва, 18 сентября 2015 г. – М., 2016, 211 с.
16. Happel J. Nomadische Lebenselten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916/ - Stuttgart, 2010. – 378 p.
17. Sokol Edward D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. - Baltimore: Johns Hopkins University, 1954. – 188 p.
18. Uyama T. The Geography of Civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the Early twentieth Century // Matsuzato Kimitaka, ed., Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World: Towards a Discipline of «Regionology». - Sapporo: Slavic Research Center, 2000. – P. 70-99.

References

- Amanzholova 1993 - Amanzholova, D 1993, *Partiya Alash: istoriya i istoriografiya*, Semipalatinsk, 136 p. (in Rus).
- Amanzholova 2013 - Amanzholova, D 2013, *Alash: istoricheskui smysl demokraticeskogo vubora*, Almatu, 282 p. (in Rus).
- Asfendarov 1936 – Asfendarov, S 1936, *Nacionalno-osvoboditelnoe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane*, Alma-Ata, 150 p. (in Rus).
- Bukeikhanov 1910 - Bukeikhanov, A 1910, Kirgizu, *Formu nacionalnogo dvizheniya v sovremennukh gosudarstvakh*, SPb, P. 575-600. (in Rus).
- Bukeikhanov 1916 - Bukeikhanov, A 1916, Vuboru v Stepnom krae, *K desyatiletiju I Gosudarstvennoi Dumi*, Petrograd, P.43-50. (in Rus).
- Brainin, Shafiro 1935 – Brainin, S, Shafiro, Sh 1935, *Ocherki po istorii Alash-Ordu*, Alma-Ata, 149 p. (in Rus).
- Civilizacionno-kulturnie aspekti 2016 – Civilizacionno-kulturnie aspekti vzaimootnosheniy Rossii i narodov Centralnoi Azii v nachale XX stoletiya (1916 god: uroki obschei tragedii). Sb. dokladov Mezhd.nauchno-praktich.konf. g.Moskva, 18 sentyabrya 2015 g. M., 2016. 211 p. (in Rus).
- Gerasimov 1927 – Gerasimov, B 1927, *25-letie Semipalatinskogo otdela GRGO. 1902-1907 gg.*, Kzul-Orda, 80 p. (in Rus).

- Happel 2010 – Happel, J 2010, *Nomadische Lebenselten und zarische Politik. Der Aufstand in Zentralasien 1916*, Stuttgart, 378 p. (in Deutch).
- K istorii vosstaniya kirgiz 1926 - K istorii vosstaniya kirgiz v 1916 godu, *Krasnui arkhiv*, t.3(16), Moscow-Leningrad, pp.53-75. (in Rus).
- Kosach 2004 - Kosach, G 2004, Kazakhskiy «obrazovannuy klass» v Rossiiskoi imperii, *Kazakhstan i Rossia: obchestva I gosudarstva*, «Prava cheloveka», Moscow, P. 12-78. (in Rus).
- Masanov 1999 – Masanov, N 1999, Kazakhskaya politicheskaya i intellektualnaya elita. Klanovaya prinadlezhnost i vnutrietnicheskoe sopernichestvo, *Vestnik Evrazii*, №1. P. 46-61. (in Rus).
- Shats 2004 – Shats, E. Rol gosudarstva s ustoichivosti rodovukh svyazei v Kazakhstane, *Kazakhstan i Rossia: obchestva I gosudarstva*, «Prava cheloveka», Moscow, P. 114-132. (in Rus).
- Shokaj 2012 – Shokaj, M. *Shygarmalarynyn tolyk zhinagy: 12-tomdyk*, T.1, Dajk-Press, Almaty. (in Kaz).
- Sushko 2008 - Sushko, A.V. Mezhdorovaya borba kazakhskoi (kirgizskoi) intelligencii v godu revoliucii i grazhdanskoi voynu v Rossii, *Vestnik TGU*, № 11 (67), P. 329-337. (in Rus).
- Shvecov 1930 - Shvecov, S., Omskaya gazeta «Stepnoy krai» i politicheskaya ssulka, *Severnaya Aziya*, T.1-2, Moscow, P. 110-118. (in Rus).
- Sokol Edward 1954 – Sokol Edward, D 1954, *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*, Johns Hopkins University, 188 p. (in Eng).
- Uyama T. *The Geography of Civilizations: a spatial analysis of the Kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the Early twentieth Century*, Slavic Research Center, Sapporo, P. 70-99. (in Eng).

**Ә.Н. Бөкейханов
және қазақ халқының саяси шоғырландырылуы мәселелері**

Аманжолова Дина Ахметжановна

Тарих ғылымдарының докторы, профессор, РҒА Ресей тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері. Ресей Федерациясы 117036, Мәскеу қ., Дмитрий Ульянов к-сі, 19 ү. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Түйін. Автор Алаш демократиялық қозғалысының көсемі Ә.Н. Бөкейхановтың XX ғасырдың басындағы қазақ халқының өзіндік анықталуы мен саяси шоғырландырылуына қосқан үлесіне талдау жасайды. Ә. Бөкейхановтың саяси көзқарастарының эволюциясына, оның Ресей империясының құлауы шарттарындағы қазақ қоғамының ұлттық-мемлекеттік құрылымының болашағы мен формалары мәселесіне қатысты түрленуіне назар аударылады.

Түйін сөздер: Ресей; Ә.Н. Бөкейханов; қазақ халқы; төңкеріс; этникалық элита; саяси өзіндік анықталу.

**A.N. Bukeikhanov
and the problems of political consolidation of the Kazakhs**

Amanzholova Dina Akhmetzhanovna

Institute of Russian History RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher. Russian Federation, 117036, Moscow, Dm.Ulyanova, 19. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Abstract. The author analyzes the contribution of the democratic movement leader Alash A.N. Bukeikhanov to the political consolidation and self-determination of the Kazakh people in the early XX century. Attention is paid to the evolution of Bukeikhanov's political views and transforming of his approaches to the question on the prospects and forms of national-state structure of the Kazakh society in terms of the collapse of the Russian Empire.

Keywords: Russia; A.N. Bukeikhanov; Kazakh people; Revolution; ethnic elite; political self-determination.